

L.A. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: Prefixes as verb classifiers. Bloomington (Indiana): Slavica, 2013. xvi + 212 p. ISBN 978-0-89357-409-3

Международный научный проект CLEAR (Cognitive Linguistics: Empirical Approaches to Russian) ставит своей целью развить на материале русского языка некоторые современные подходы, возникшие в основном в рамках того направления лингвистики, которое называет себя «когнитивным». Проект базируется в университетах Тромсё и Осло, среди его участников – лингвисты из разных стран (в том числе из России), руководят проектом Лора Янда (США / Норвегия) и Туре Нессет (Норвегия). В рецензируемой книге – последней по времени крупной работе, реализованной в рамках проекта, – предметом исследования стал русский вид, точнее – проблема соотношения вида и глагольной префиксации.

Русский (и – шире – славянский) вид, как известно, исторически важен в силу того, что с него началась аспектология вообще; и любая серьезная аспектологическая теория должна давать явлениям славянского вида правдоподобное объяснение. Некоторые проблемы в этой области имеют почти вековую историю; среди них выделяется и множество, сконцентрированное вокруг приставочной перфективации. Прежде всего это так называемая «проблема пустых приставок», к которой примыкают теория видовой парности и смежные вопросы, например о трактовке вторичной имперфективации. Проблема пустых приставок заключается в следующем: возьмем видовую пару (не касаясь пока определения этого понятия), образованную бесприставочным глаголом НСВ (например, *писать*) и его приставочным коррелятом (*написать*). Морфологически разница между ними заключается в одной приставке. Не углубляясь в семантику ярлыков 'IPF' и 'PF', можно принять семантику приведенных форм, соответственно, за 'писать.IPF' и 'написать.PF' и поставить вопрос об означаемом приставки *на-* в этом контексте. На этот счет до сих пор было предложено две точки зрения.

Первая из них, в некотором смысле «нулевая гипотеза», заключается в том, что значение приставки – 'PF' (или, точнее, приставка является оператором перевода 'IPF' → 'PF'). В этом случае приставка как будто не несет никакой «собственной» (т. е. лексической) семантики, которую она при этом имеет в других употреблениях, и получает название «пустой» или «чистовидовой». Отметим, что из этого положения не следует, что распределение сочетаемости приставок с глаголами должно быть случайно; следует только, что оно не должно зависеть от семантики исходного бесприставочного глаго-

ла. Гипотеза не накладывает иных ограничений на интерпретацию этого распределения, с ней вполне могли бы сочетаться гипотезы, утверждающие, что оно зависит от морфонологии; прагматики; этимологии (ср. мнение Тихонова ниже). Фальсифицировать эту гипотезу можно, предложив алгоритм, который по данному бесприставочному глаголу позволял бы определить, какая приставка (или какие приставки) будет с ним сочетаться.

Альтернативная гипотеза, выдвинутая независимо Марком Веем [Vey 1952] на чешском материале и Корнелиусом ван Схоневельдом [Schooneveld 1958] на русском, состоит в том, что приставки всегда имеют собственную семантику, которая, однако, в некоторых случаях «перекрывается» с семантикой глагола, что и вызывает «эффект пустой приставки», который был впоследствии назван в честь авторов гипотезы «эффектом Вея – Схоневельда». Заметим, что на таком уровне детализации гипотеза дает известную свободу интерпретации; так, при данном глагольном смысле выбор приставки однозначен, только если все пространство глагольных смыслов разбито на соответствующие приставкам непересекающиеся классы. Это отнюдь не так: классы приставок могут пересекаться (ср., например, радиальные категории приставок *вы-* и *из-* в рецензируемой работе), либо различия между их семантикой бывают слишком тонки для определения класса простым алгоритмом в один шаг. Последнее предположение подразумевает в числе прочего необходимость следить за количеством классов, заведомо большим, нежели в случае принятия возможности пересечения классов; слишком большое количество постулируемых классов снижало бы правдоподобность гипотезы.

Если же мы примем предположение о пересекающихся классах, остается открытым вопрос о том, что происходит, когда находятся две приставки, обладающие совместимой семантикой, – задается ли некая мера семантической совместимости и выбирается приставка с наибольшим значением этой меры; или же правила более сложны и касаются, в частности, других, не чистовидовых, приставочных образований от исходного глагола.

Заметим, что гипотеза Вея – Схоневельда имеет общий характер и не включает конкретных предположений о характере зависимости выбора приставки от значения, а только утверждает наличие такой зависимости. Поэтому данную гипотезу сравнительно сложно опровергнуть формальными средствами: наличие

семантической мотивации не делает никаких утверждений о распределении глаголов по приставкам, и даже если бы это распределение оказалось «плоским», это не вовсе лишило бы гипотезу основания. Но и доказать в строгом смысле эту гипотезу также почти невозможно: более узкие гипотезы (например, включающие точный алгоритм определения класса) в этом смысле выигрывают.

Основной темой рассматриваемой монографии является проверка гипотезы Вея – Схоневельда на гораздо более детальном уровне по сравнению со всеми предшествующими работами. Книга состоит из вступления, представляющего собой сжатое изложение основных положений работы, семи содержательных глав и заключения, в котором во многом повторяется материал вступления, а также формулируются выводы. В первой из глав дается введение в теорию русского вида для читателей, не знакомых хорошо с русским языком и обсуждаемой в книге проблематикой. В основном рассматриваются две проблемы: аспектуальная классификация русских глаголов и вышеописанные альтернативные гипотезы о семантике приставки в контексте перфективации. Опираясь на работу [Janda 2007], авторы разделяют русские глаголы СВ на четыре группы: естественные, специализированные, комплексные и однократные. Естественные перфективы¹ (natural perfectives) являются приставочными глаголами СВ, имеющими бесприставочные видовые корреляты НСВ (*написать*, *поджарить*). К специализированным перфективам (specialized perfectives) авторы отнесли приставочные глаголы СВ, не являющиеся чистовидовыми коррелятами соответствующих бесприставочных (такие, как *разварить* или *подписать*) и имеющие, в свою очередь, вторичные имперфективы в качестве видовых коррелятов. Комплексные перфективы (complex act perfectives) включают обычно не имеющие имперфективных коррелятов приставочные глаголы СВ, в которых приставка «ограничивает (во времени. – А.П.) действие, названное бесприставочным глаголом», такие как *поварить* или *зачихать*. Наконец к однократным перфективам (single act perfectives) отнесены глаголы, выражающие «единичное действие из серии», такие как *чихнуть* или *сглупить*. Указывается, что эти глаголы образуются с использованием приставки *с-* и суффикса *-ну-* и обычно не имеют коррелятов НСВ.

Проблема данной классификации в том, что на деле она проведена по морфологическому признаку (достаточно формальные морфологические факторы упоминаются в каждом из

описаний классов), а семантическое обоснование дано лишь апостериорно. Действительно, при априорно семантическом подходе нет нужды выделять четвертый класс: глаголы из него точно так же задают аспектуальную рамку процесса и, если применять критерий Маслова, могут иметь имперфективные корреляты: *он чихнул и вынул носовой платок – он чихает и вынимает носовой платок*. Далее, значение «единичное действие из серии» по меньшей мере спорно, и, как кажется, его выделение также обусловлено морфологически – тем, что исходный глагол НСВ содержит итеративный суффикс: возьмем, скажем, приведенный авторами в качестве примера однократного перфектива глагол *сглупить* и синонимичное ему словосочетание *совершить глупость*; толковать последнее как «совершить единичную глупость из серии» вряд ли возможно. Подробнее недостатки этой классификации рассмотрены в статье [Зализняк, Микаэлян 2012], являющейся критикой программной статьи [Янда 2012], в которой сжато изложены идеи данной книги.

После представления своих идей об аспектуальной классификации авторы рассматривают суть дихотомии вышеописанных альтернативных гипотез о значении перфективирующего префикса, которые в книге названы, соответственно, гипотезой пустых приставок (empty prefix hypothesis) и гипотезой наложения (overlap hypothesis). Утверждается, что гипотеза пустых приставок является доминирующей в русистике, со ссылками на [Виноградов 1972; Шахматов 1952; Тихонов 1964; 1998; Авилова 1959; 1976]. Вообще говоря, факт доминирования нулевой гипотезы при отсутствии специализированных исследований на эту тему был бы довольно ожидаем; но реальная ситуация не вполне такова: в обширной работе о русских глагольных приставках [Кронгауз 1998] открыто декларируется агностицизм по отношению к проблеме пустых приставок; а, например, академическая грамматика [АГ 1980] выражается несколько туманно («В большинстве значений префиксов сочетается значение сов. вида со словообразовательными значениями...»), но интерпретация этого пассажа в духе гипотезы наложения также возможна. В целом правильной было бы сказать, что в традиционной русистике скорее отсутствует ясно акцентированная точка зрения по этому вопросу. Ряд же исследователей, как, например, А.К. Поливанова в [Поливанова 1975], напротив, эксплицитно отвергают гипотезу пустых приставок.

Наиболее активным сторонником этой гипотезы, как указывают авторы, является А.Н. Тихонов, говорящий о недопустимости смешения синхронного и исторических состояний системы и указывающий, что часто приставки (которые в контексте вида он полагает слово-

¹ Русские переводы этого и последующих терминов даются по [Янда 2012].

изменяемыми, а не словообразовательными морфемами) присоединяются к глаголам уже после того, как утратили свое значение (*оштрафовать, законсервировать* и т.д.).

Описав две гипотезы, авторы приводят доводы в пользу гипотезы наложения. При этом подразумевается, что гипотеза пустых приставок включает предположение о случайном распределении приставок по глаголам, что, как было отмечено выше, не обязательно верно. Вследствие этого приводимые доводы (верные по сути) иногда воспринимаются как бой с несуществующим противником, и обсуждение их мы опустим.

Далее авторы представляют важную часть исследования – базу естественных перфективов Exploring emptiness (напомним, что естественные перфективы представляют из себя глаголы СВ, имеющие бесприставочные имперфективные корреляты). Список естественных перфективов был получен пересечением списков перфективов из авторитетных, по мнению авторов, словарей, а именно: [MAC 1999; Ожегов, Шведова 2001; Cubberly 1982]. Полученный список был проверен и отфильтрован носителями языка из числа соавторов книги. Вызывает некоторое недоумение тот факт, что в процессе создания базы никак не были использованы такие относительно более объективные источники, как корпуса текстов и/или широкий круг носителей-лингвистов, но тем не менее база и в таком виде представляет собой не только плод кропотливого труда, но и мощный и очень важный источник данных для исследований. База свободно доступна в сети Интернет на сайте проекта по адресу <http://emptyprefixes.uil.no>. Ее веб-интерфейс предоставляет богатые возможности для поиска: по конкретному глаголу, виду, приставке, по морфологическому (по словарю А.А. Зализняка) и семантическому (по списку, определенному создателями базы) классам, по частоте, словарному определению, источнику (из трех упомянутых словарей) и вариативности. Термин «вариативность», правда, кажется здесь не очень удачным, поскольку он традиционно понимается как изменение плана выражения при идентичном плане содержания. Однако в данной базе авторы понимают его иначе: вариативность для них – просто возможность одного бесприставочного глагола присоединять несколько разных приставок. Это влечет за собой определенные неясности, особенно чувствительные, если учесть направленность базы в том числе на неискушенного в русистике читателя. Так, в базе мы находим имперфективные глаголы, для которых насчитывается шесть перфективных коррелятов: это глаголы *мазать* (вы-, за-, из-, на-, по-, про-), *топить* (вы-, из-, по-, раз-, с-, у-) и *травить* (вы-, за-, на-, о-, по-, с-). Вполне очевидно, что

не все представители этих шестерок глаголов синонимичны между собой. Скорее, следовало бы, согласно предложению, высказанному в [Зализняк, Микаэлян 2012], предоставить для каждой из видовых пар минимальный контекст употребления, такой как пример прямого объекта для переходных глаголов. Это позволило бы разделить действительно синонимичные видовые пары, как, например, *зажарить* и *изжарить* (поросенка), и пары, присоединяющиеся к глаголу в разных его значениях, например *растопить* (*^{ок}печь, *^{ок}котенка, *^{ок}корабль), *утопить* (*^{ок}печь, *^{ок}котенка, *^{ок}корабль), *потопить* (*^{ок}печь, *^{ок}котенка, *^{ок}корабль). Это изменение, однако, потребовало бы усложнения структуры базы, в частности добавления в нее нового объекта – семантического инварианта видовой пары.

Далее авторы переходят непосредственно к изложению своего подхода к анализу семантики приставок. Все приставки авторы делят на две группы – «малые» и «большие» приставки. Большими приставками признаны *по-, с-, на-, за-* и *про-*, малыми – все остальные. Разделение производилось по принципу количества глаголов, присоединяющих приставки. Малым и большим приставкам посвящены вторая и третья глава соответственно. Для анализа малых приставок авторы применяют распространенное в когнитивной лингвистике понятие радиальной категории. Малые приставки анализируются при помощи следующего алгоритма: сперва различные значения приставки определяются по тем ее употреблениям, для которых существует соглашение о наличии значения у приставки, – а именно у специализированных и комплексных перфективов. Из этих перфективов исследованию подвергаются лишь те, частота которых не меньше частоты среднего естественного перфектива. Для этих значений формируется радиальная категория. Затем формируется еще одна радиальная категория – для естественных перфективов. Эти перфективы также подвергаются отбору: исключаются те из них, что не имеют бесприставочного коррелята. Бросаются в глаза некоторые (отмеченные и в [Зализняк, Микаэлян 2012]) недостатки отбора материала. Отфильтрованные авторами работы списки естественных перфективов не прошли корпусной проверки, за счет чего в финальный список попали некоторые маргинальные глаголы, в современном языке не употребительные. Например, глагол *волгнуть*, указывающийся авторами в качестве коррелята естественного перфектива *отволгнуть*, встречается в НКРЯ всего один раз, в источнике 1959 года. Ср. также указанный Зализняк и Микаэлян глагол *беременеть*, который не является исходным имперфективным глаголом для *забеременеть* (доказательством этого служит, в частности,

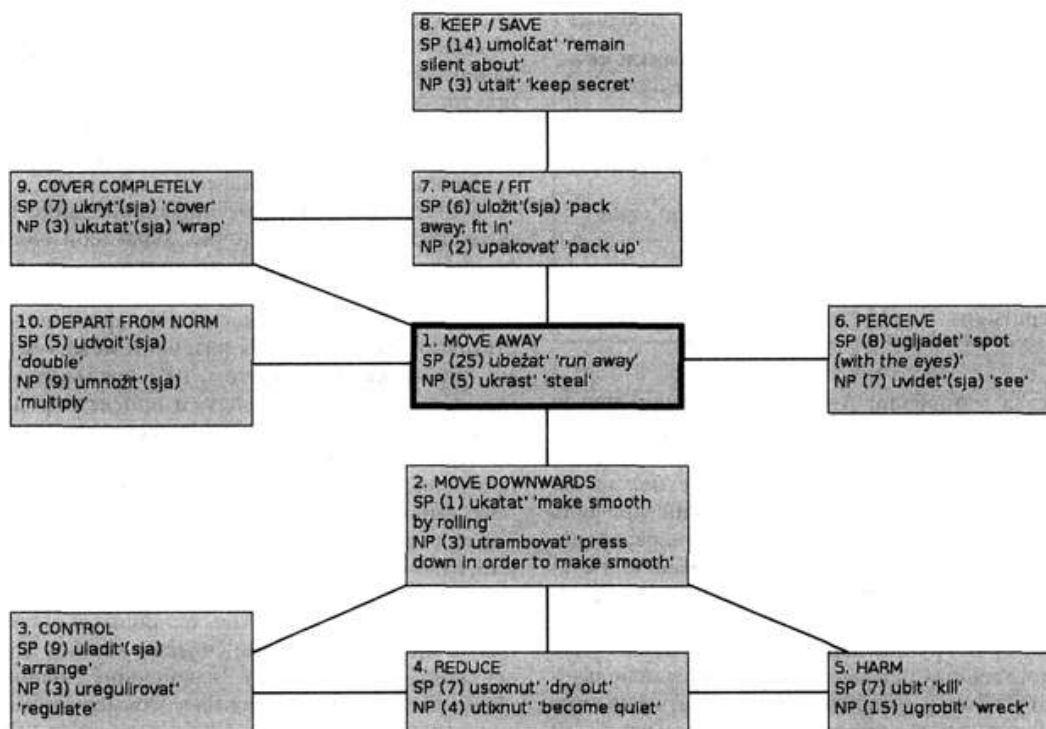

Рис. 1. Радиальная категория приставки у-

тот факт, что *беременеть* не имеет актуально-длительного значения). Этот глагол образован путем депрефиксации и употребляется только в итеративных контекстах.

Итог исследования – суперпозиция радиальных категорий специальных и естественных перфективов. Значения, присущие как специализированным и комплексным, так и естественным перфективам, выделяются более темным цветом фона. Некоторые приставки (например, *в-*) демонстрируют полное пересечение значений специальных и естественных перфективов, в то время как другие содержат значения, имеющиеся у специальных, но отсутствующие у естественных перфективов (не наоборот). С точки зрения объема пересечения авторы делят приставки на три группы: в группу полного пересечения, помимо *в-*, входит приставка *у-*; семь приставок (*раз-*, *при-*, *от-*, *в(о)з-*, *о(б)-*, *вы-*, *из-*) демонстрируют значительное, но не полное пересечение; и, наконец, приставки *пере-* и *под-* демонстрируют пересечение в меньшинстве значений. См. радиальную категорию приставки *вы-*, в которой значения DECLINE / DEVIATE ('уменьшаться / отклоняться от нормы') и ENDURE ('терпеть, претерпевать') отсутствуют у естественных перфективов.

Предполагается, что радиальная категория отражает развитие семантики приставки, получавшей новые значения от старых за счет

семантических переходов. При том что схема выглядит вполне убедительно, неясными остаются (помимо отдельных решений и мелочей вроде отнесения *вылизать* к специальным, а *вымазать(ся)* к естественным перфективам) многие методологические детали. Например, не вполне понятно, на каких основаниях производится разбиение на значения, неясно также, как определяется, что некоторые данные два значения близки между собой и далеки от третьего. Более того, учитывая, что графы радиальных категорий не являются направленными, в случаях связи трех значений (например, MOVE AWAY, COVER COMPLETELY и PLACE / FIT на рис. 1) оказывается невозможным понять, какое из них, по мнению авторов, появилось в результате перехода от двух других. Перечисляя значения, авторы описывают их, но не раскрывают процедуру, приведшую к их выделению; а эта часть представляется важной, поскольку гарантирует точность и единственность описания. Интуитивное определение таких тонкостей вкпе с жестким форматом схемы радиальной категории с большой вероятностью может привести к волюнтаристским решениям в сложных случаях и, таким образом, некоторой внутренней противоречивости текста.

Третья глава посвящена «большим» приставкам (*по-*, *с-*, *на-*, *за-*, *про-*). Их исследование при помощи радиальных категорий было бы затруднительно по причине большого коли-

Таблица 1

Семантический профиль приставки *по-*

prefix	<i>po-</i>
Attractions	62 'changest' verbs 37 'sound' & 'speech' verbs
Neutral	11 'behav' verbs
Repulsions	11 'impact' verbs

чества материала. Авторы применили другой метод, а именно описанный в [Divjak, Gries 2006] метод семантического профилирования, предполагающий как раз работу с большими массивами данных. Семантический профиль формируется в результате анализа распределения семантических тегов и применения статистических тестов, выявляющих, насколько сильно отклонение в распределении тегов для некоторой группы данных (в этом случае – для естественных перфективов). Авторы использовали систему семантических тегов, принятую в Национальном корпусе русского языка. Были выбраны пять тегов, для каждого из которых суммарно по всем пяти «большим» приставкам было не менее пятидесяти глаголов; такими тегами оказались 'impact' (физическое воздействие), 'changest' (изменение состояния или признака), 'behav' (поведение и поступки), 'sound' (глаголы звука) и 'speech' (речевая деятельность). Целью семантического анализа было определить, насколько неравномерно эти глаголы распределены по приставкам. Итогом оказывается описание семантического профиля, пример которого приведен в табл. 1. Профиль состоит из трех частей – Attractions («притягивающиеся» к данной приставке теги), Neutral («нейтральные» теги) и Repulsions («отталкивающиеся» теги). Вычисляется ожидаемое значение числа глаголов с данным тегом при данной приставке исходя из общего количества глаголов с данной приставкой и доли глаголов с данным тегом среди общего

числа глаголов. Соответственно, в категорию Attractions попадают теги, глаголы из которых чаще ожидаемого употребляются с данной приставкой, в Neutral – теги, частота употреблений которых колеблется вокруг ожидаемого среднего значения, а в Repulsions – теги, употребляющиеся реже ожидаемого среднего.

Однако семантическое профилирование не позволяет достаточно точно характеризовать приставку: ср. профили приставок *с-* и *на-* в табл. 2.

Видно, что семантического профиля недостаточно для проведения различий между этими приставками (допустим, нам предъявляют глагол со значением 'behav' и просят определить, к какой приставке он относится, – даже из этих двух, руководствуясь семантическим профилем, мы не сможем сделать однозначного выбора, ограничившись вероятностным). Таким образом, нужны дополнительные критерии, каковыми авторы полагают семантический анализ (путем редактирования и обобщения словарных значений). (Так, основными значениями приставки *на-* они считают SURFACE 'поверхность' и ACCUMULATE 'накопление', основными значениями *с-*: TOGETHER 'совместность', DOWN 'движение вниз', ONCE 'однократное действие'.) Однако, если авторы полагают, что такой анализ может быть достаточным для определения значений приставки, его можно было с успехом провести, не прибегая к категориальному и семантическому профилированию, а просто представив значения для всех приставок «как есть», без дополнительных разъяснений. В свете декларируемой склонности авторов к точным методам следовало бы предложить другой способ выделить значения статистически – или по меньшей мере признать наличие в этом месте проблемы. Действительно, если авторы полагают возможным определять инвентарь значений приставок ручным методом, пусть даже в качестве дополнительного критерия, то не вполне ясно, зачем в принципе нужна статистика, – ручным методом можно выполнить всю работу по установлению границ классов. Новизна работы, как казалось, состоит именно в отказе от ручных

Таблица 2

Семантические профили приставок *с-* и *на-*

prefix	<i>s-</i>	<i>na-</i>
Attractions	23 'behav' verbs 23 'impact' verbs	31 'impact' verbs 17 'behav' verbs
Neutral	9 'speech' verbs 11 'changest' verbs	8 'speech' verbs
Repulsions		3 'changest' verbs

методов, поэтому применение их, пусть даже в малом количестве случаев, авторскую позицию несколько дезавуирует.

Четвертая глава посвящена явлению, известному как локативная альтернатива. Это явление заключается в смене диатезы при некоторых глаголах, при которой косвенный объект поднимается в позицию прямого, а прямой опускается на позицию косвенного. Прототипический пример, демонстрирующий это явление, связан с глаголом *грузить*: *грузить телегу сеном* → *грузить сено на телегу*. Для обозначения участников локативной альтернативы авторы пользуются введенными в [Brinkmann 1997; Nichols 2008] терминами theme-object (*сено*) и goal-object (*телегу*). Этому явлению подвержен не только сам глагол *грузить*, но и три его естественных перфектива, а именно *нагрузить*, *загрузить* и *погрузить*. Оказывается, что глагол *погрузить* почти исключительно использует конструкцию с объектом-темой, как и непроизводный глагол *грузить*; глаголы же *нагрузить* и *загрузить*, напротив, предпочитают объект-цель; притом *нагрузить* – со значительным перевесом. В пассивных формах распределение еще более показательное: формы глагола *погрузить* употребляются почти исключительно с объектом-темой, остальные глаголы, напротив, – с объектом-целью. Утверждается, что эти результаты соответствуют значениям приставок *на-*, *за-* и *по-* следующим образом: значение SURFACE приставки *на-* обуславливает предпочтение объекта-цели; то же верно для значений COVER и FILL приставки *за-*; значение SOME приставки *по-* соответствует инкрементальной теме. Другие значения позволяют приставкам принимать и конструкцию, не являющуюся для данной приставки предпочтительной; так, значение ACCUMULATE приставки *на-* позволяет ей употребляться в конструкции с объектом-темой. К этим рассуждениям, основанным только на языковой интуиции исследователей, возникают закономерные вопросы. В частности, неясно, отчего, если приставка *на-* имеет значения, позволяющие ей употребляться и в той, и в другой конструкции, она предпочитает (и с крупным перевесом) конструкцию с объектом-целью. Аналогичные вопросы можно поставить и по отношению к другим приставкам. Как кажется, эти недостатки обусловлены тем, что совместимость тех или иных значений приставок и конструкций оценивалась вручную и апостериори, тогда как гипотезы следовало бы строить до рассмотрения распределений.

В пятой главе обсуждаются вопросы «варьирования» префиксов (в указанном выше понимании этого термина). Оно охватывает все 16 префиксов, зачастую имеющих пересекающиеся значения: ср. *отрепетировать* – *про-*

репетировать, *задавить* – *удавить*. Помимо традиционного упоминания о том, что это варьирование противоречит гипотезе пустых приставок (мы уже касались этого тезиса в начале), утверждается, что оно противоречит также парной теории вида, поскольку «пара означает ровно два». Мы позволим себе оставить это утверждение без комментариев и вновь сошлемся на статью [Зализняк, Микаэлян 2012], в которой приведена убедительная, на наш взгляд, аргументация отсутствия такого противоречия: в соответствии с пониманием видовой пары по Маслову как функционального отношения между двумя глаголами, видовая пара не существует как некий инвариант; она возникает, когда для глагола СВ оказывается возможным в масловских контекстах подобрать однословную замену.

Несмотря на то, что, как явствует из вышеизложенного, вклад этой главы в обоснование авторских гипотез минимален, она представляет интерес как источник статистических данных. Так, указывается, что варьированию подвержены 386 бесприставочных глаголов, что составляет 27% от их общего количества. Приводится таблица распределения количества глаголов, присоединяющих то или иное количество число префиксов (по два префикса присоединяют 283 глагола, по шесть префиксов – три). Другие таблицы рассказывают о количестве глаголов, сочетающихся при варьировании с тем или иным префиксом (без неожиданностей, на первом месте по-прежнему приставка *по-* со 164 глаголами), приводятся наиболее частые сочетания варьирующих префиксов (лидирует также ожидаемая пара *по-|с-* с 34 глаголами). Далее приводятся данные по частотным сочетаниям префиксов. Возможность вариативности объясняется близостью значений префиксов, также понимаемой интуитивно.

Шестая глава содержит описание такого явления, как видовые тройки, состоящие из исходного непроизводного глагола, его приставочного перфективного коррелята и вторичного имперфектива. По словам авторов, гипотеза пустых приставок предсказывает отсутствие таких троек, тогда как в реальности они довольно частотны. Изыскания, проведенные авторами, выявили, что 733 из 1981 возможных вторичных имперфективов встречаются в НКРЯ (435 из них – в 10 примерах или более), а поиск в Google выдает еще более впечатляющие результаты: 1536 вторичных имперфективов, из которых в 10 или более примерах встречаются 1279 (65%). В их число входят и глаголы, традиционно считающиеся маргинальными, типа *сделывать* и *написывать*. Указывая причины такого большого количества вторичных имперфективов (якобы не предсказываемого

парной теорией вида), авторы ссылаются на работу [Veugens 1980], в которой излагается мнение, что вторичные имперфективы отличаются по значению от исходных бесприставочных глаголов тем, что акцентируют внимание на результате действия, – поэтому глаголы, в семантику которых результат не входит, сопротивляются образованию вторичных имперфективов (ср.: *выругать* – ?*выругивать*). Предположенное Веренком результативное значение хорошо сочетается с итеративным значением суффикса вторичной имперфективации *-ыва/-ива-*: повторение результата представить легче, чем повторение неограниченной во времени деятельности. В случаях когда исходный бесприставочный глагол и его вторичный имперфектив используются приблизительно с одинаковой частотой, исходный глагол предпочитается там, где говорящий хочет сделать акцент на процесс, как в приводимом авторами примере *Девочка (...) требовала, чтобы (...) ее баюкала Димка*. Авторы указывают, что, исходя из того, что вторичные имперфективы образуются как от естественных, так и от специализированных перфективов, эти две группы следует рассматривать скорее как континуум, нежели как две различные группы.

Наконец, в седьмой главе читателю предлагается гипотеза, рассматривающая систему русских глагольных приставок как систему классификаторов. В ее рамках производится сопоставление системы русских глагольных приставок и систем классификаторов, к которым авторы причисляют и традиционные системы именных классов, в том числе категорию рода существительных.

В качестве наглядного примера для сопоставления автором была избрана система числовых классификаторов юкатекского языка. В этом языке существительные служат для наименования как веществ, так и состоящих из них предметов. При этом вещество понимается максимально абстрактно – ср. вещество «банан»: выражение «один длинный-тонкий банан» обозначает единичный плод банана, «один плоский банан» – лист бананового дерева, «один груз банан» – одну связку бананов и т. д. Некоторые существительные (как «банан») могут присоединять различные классификаторы, другие – лишь один, соответствующий наиболее типичному изготавливаемому из данного вещества предмету. Далее автор проводит аналогию с системой русских приставок: согласно этой модели, глаголы НСВ соответствуют неоформленным «веществам», а приставки «специфицируют» их значение и оформляют его во времени. Подобно тому, как юкатекские существительные с классификаторами обозначают дискретные объекты, русские глаголы с приставками «обозначают дискретные дей-

ствия», классификаторы – форму предмета, приставки – «форму действия» и т. д.

Приводятся также критерии, которым должна удовлетворять классифицирующая система, согласно [McGregor 2002]. Они состоят в следующем:

1. Существует конечное количество способов, которыми могут соединяться классификаторы и классифицируемые элементы.

2. В группе классификаторов более одного элемента.

3. Группа классифицируемых элементов значительно превышает группу классификаторов по размеру.

4. Как минимум две группы классифицируемых элементов, присоединяющих различные классификаторы, должны значимо отличаться друг от друга.

Кажется, однако, что их применимость для демонстрации сходства с системами классификаторов несколько переоценена. Этим признакам соответствует не только все множество явлений, связанных с разными видами классификации (родовые и классные системы имен, к классификаторам в узком смысле не относящиеся), но и явления, никогда в контексте классификации не рассматривающиеся в силу нецелесообразности этого, – системы глагольного спряжения или суффиксы русских существительных. Действительно: корни соединяются с суффиксами конечным количеством способов; суффиксов более одного; корней значимо больше, чем суффиксов, – этот факт даже служит одним из формальных критериев различения корней и аффиксов; существуют значимо различающиеся группы существительных с разными суффиксами, например группа имен действия на *-ие* и имен деятеля на *-тель*. Как видим, из русских суффиксов получилась неплохая система «классификаторов», что вряд ли имеет большую эвристическую ценность. Кажется, без использования этих признаков книга бы только выиграла.

Классификаторы, вообще говоря, явление довольно узкое, и центральным для него является понятие нумеративной конструкции. Более того, помимо систем именных классификаторов, с которыми авторы сравнивают русские приставки, существуют системы глагольных классификаторов, использующихся в выражениях типа «несколько раз спеть», о них см. подробнее, например, в [Matthews, Leung 2004]. Наличие этих систем, по смыслу далеких от системы русских приставок, довольно наглядно демонстрирует некоторую натянутость такого сравнения. Система русских глагольных приставок, скорее, схожа с более традиционными именными классами типа классического случая дьирбала из [Lakoff 1987]: классы пересекаются, их мотивация нетривиальна,

изначально скрыта и объясняется лишь в процессе исследования и т. д. Существенно, что и в цитируемых авторами работах [Майсак 2005; Плунгян 2011] используются именно термины «классификация» и «классифицирующие системы», но не «системы классификаторов»; в данном случае эта разница представляется важной.

Еще одним аргументом в пользу своего сопоставления Янда считает наличие «дефолтной» приставки – приставки *по-*, присоединяющейся к наибольшему количеству глаголов; соответствующий дефолтный классификатор присутствует в большом количестве систем, по данным [Aikhenvald 2000]. По-видимому, приставка *по-* действительно является «дефолтной», но в таком качестве она не единственная: как минимум настолько же «дефолтной» является приставка *с-*, находящаяся с *по-* в дополнительном распределении: *с-* является дефолтной приставкой для глаголов поведения, соответствующих семантической помете 'behav'. Таким образом, можно только согласиться с высказанным в [Зализняк, Микаэлян 2012] соображением, что сравнение системы русских приставок с классификаторами – скорее полезная для понимания ее функционирования метафора, чем осмысленное их сближение.

Подводя итоги, можно заключить следующее: книга не выполняет конечной цели подобного исследования, если такую цель видеть в том, чтобы, описав разбиение на классы, предложить формальные алгоритмы выбора приставок для перфективации произвольного глагола. Тем не менее работа представляет собой большой шаг вперед в теории вида. Впервые к традиционным проблемам славянской аспектологии применен современный инструментарий и адекватные моменту теоретические подходы. Получено большое количество ценных статистических данных. Отдельным выдающимся достижением является создание общедоступной базы данных, снабженной веб-интерфейсом. Как материал этой базы, так и теоретические наработки авторов, безусловно, станут фундаментом для будущих исследователей, которые, как можно надеяться, уже в скором времени смогут создать стройную теорию русского вида, полно и непротиворечиво описывающую все релевантные факты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авилова 1959 – Н.С. Авилова. О категории вида в современном русском литературном языке // Русский язык в национальной школе. 1959. № 4.
- Авилова 1976 – Н.С. Авилова. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
- АГ 1980 – Н.Ю. Шведова (гл. ред.). Русская грамматика. М., 1980.
- Виноградов 1972 – В.В. Виноградов. Русский язык. М., 1972.
- Зализняк, Микаэлян 2012 – Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // Вопросы языкознания. 2012. № 6.
- Кронгауз 1998 – М.А. Кронгауз. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Майсак 2005 – Т.А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
- МАС 1999 – А.П. Евгеньева (ред.). Малый академический словарь. М., 1999.
- Ожегов, Шведова 2001 – С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Словарь русского языка. М., 2001.
- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Поливанова 1975 – А.К. Поливанова. К вопросу о так называемых чистовидовых приставках // Вопросы информационной теории и практики. 1975. Вып. 27.
- Тихонов 1964 – А.Н. Тихонов. Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования // Вопросы языкознания. 1964. № 1.
- Тихонов 1998 – А.Н. Тихонов. Русский глагол. М., 1998.
- Шахматов 1952 – А.А. Шахматов. Учение о частях речи. М., 1952.
- Янда 2012 – Л.А. Янда. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6.
- Aikhenvald 2000 – A. Aikhenvald. Classifiers. A typology of noun categorization devices. Oxford, 2000.
- Brinkmann 1997 – U. Brinkmann. The locative alternation in German: Its structure and acquisition. Amsterdam, 1997.
- Cubberly 1982 – P.V. Cubberly. On the 'empty' prefixes in Russian // Russian language journal. 1982. V. 36.
- Divjak, Gries 2006 – D. Divjak, S.Th. Gries. Ways of trying in Russian: Clustering behavioral profiles // Corpus linguistics and linguistic theory. 2006. V. 2. № 1.
- Janda 2007 – L.A. Janda. Aspectual clusters of Russian verbs // Studies in language. 2007. V. 31. № 3.
- Lakoff 1987 – G. Lakoff. Women, fire, and dangerous things. Chicago, 1987.
- Matthews, Leung 2004 – S. Matthews, T.T.-C. Leung. Verbal vs. nominal classifier constructions

- in Cantonese and Thai // S. Burusphat (ed.). Papers from the Eleventh annual meeting of the Southeast Asian linguistics society. Tempe, 2004.
- McGregor 2002 – *W.B. McGregor*. Verb classification in Australian languages // *Empirical approaches to language typology*. V. 25. Berlin, 2002.
- Nichols 2008 – *J. Nichols*. Prefixation and the locative alternation in Russian contact verbs // Presentation at the annual conference of the American association of teachers of Slavic and East European languages. San Francisco, 2008.
- Schooneveld 1958 – *C.H. van Schooneveld*. The so-called 'préverbes vides' and neutralization // Dutch contributions to the Fourth international congress of slavistics. The Hague, 1958.
- Vey 1952 – *M. Vey*. Les préverbes «vides» en tchèque moderne // *Revue des études slaves*. 1952. № 29.
- Veyrenc 1980 – *J. Veyrenc*. Études sur le verbe russe. Paris, 1980.

А.П. Печеный

Сведения об авторе:

Александр Павлович Печеный
МГУ им. М.В. Ломоносова
peczony@gmail.com